

В. В-ий

А. Ф. Керенский

«...Его, как первую любовь,
России, сердце не забудет»¹.

Кому неизвестно теперь имя Александра Федоровича Керенского — первого гражданина свободной России, первого народного трибуна-социалиста, первого народного министра юстиции, министра правды и справедливости?

Изо дня в день пишут теперь об А. Ф. Керенском в газетах и журналах всего мира; десятки приветственных телеграмм летят к нему со всех концов России и Европы; сотни депутатий от русских и иностранцев приветствуют в его лице революционный русский народ, создавший «улыбающуюся», справедливую, благородную революцию; тысячи людей несут к нему и радость своих нынешних свободных настроений и неизжитую еще печаль былой своей рабской жизни.

Словом, нет теперь популярнее человека, нет известнее имени Александра Федоровича Керенского. Оно стало и у нас, и за границей как бы благородным символом благородной Великой Русской Революции.

Почему же так? Почему все сердца тянутся именно к Керенскому? Почему все внимание приковано именно к его словам и действиям? Почему пылкое сердце Великой Русской Революции именно его, А. Ф. Керенского, сделало своей первой, никогда не забываемой любовью?

Об этом я и хочу сейчас рассказать.

<...>

VIII

А. Ф. Керенский в Революции

Пророчество А. Ф. Керенского исполнилось с точностью даже в сроке. Ровно через две недели великий оператор — русский вооруженный народ — совершил великую хирургическую операцию над гангренозной Россией.

2-го марта русское самодержавие пало окончательно, и 2-го же марта А. Ф. Керенский стал первым русским министром-социалистом.

История деятельности А. Ф. Керенского в первые и последующие дни революции сложилась таким образом.

С 23-го февраля на улицах Петрограда начались демонстрации и манифестации, в результате которых происходили столкновения граждан, солдат и рабочих с вооруженной полицией, частью переодетой в солдатские мундиры.

26-го февраля председатель Думы М. В. Родзянко, считая положение серьезным, отправил свои известные телеграммы царю, Алексееву² и всем главнокомандующим фронтами о необходимости составления нового правительства.

Вместо ответа на телеграмму М. В. Родзянко царь указом от 25-го февраля распустил Государственную думу и назначил срок для возобновления ее занятий «не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств».

Указ о роспуске Думы, полученный в Таврическом дворце в ночь на 27-е февраля, утром 27-го февраля вызвал экстренное заседание Совета старейшин, происходившее в присутствии многих членов Думы.

Колебания, внесенные представителями думского блока при обсуждении вопроса — подчиниться или не подчиниться царскому указу о роспуске Думы, — были сломлены горячими речами А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе³. Совет старейшин постановил: «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах».

Около 1 часу дня в Государственную Думу явилась делегация от 25 тысяч восставших солдат — узнать о позиции, занятой народными представителями; за ними, около двух часов дня, подошли к зданию Государственной думы сильные отряды революционной армии, сопровождаемые вооруженным народом.

Навстречу революционной армии вышли А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев и обратились к армии с первыми революционными речами. Выступление А. Ф. Керенского было встречено громовым «ура», — и А. Ф. был поставлен в Таврическом дворце первый почетный караул из восставших войск.

В половине 3-го состоялось совещание членов Государственной думы, и возникшие было там снова колебания «блокистов» снова же были сломлены А. Ф. Керенским и Н. С. Чхеидзе. Решено было организовать Временный комитет Государственной думы «для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с различными

учреждениями и лицами», поручив произвести выбор его Совету старейшин.

<...>

Комитет был избран в составе 12 лиц⁴.

В число этих 12 избирается и А. Ф. Керенский.

Вечером 27-го организуется Временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов; председателем его избирается Н. С. Чхеидзе, а товарищем председателя — А. Ф. Керенский⁵.

28-го февраля к Государственной думе продолжают стекаться все новые и новые части восставших войск.

А. Ф. Керенский выступает со следующей к ним речью:

— «Товарищи, рабочие, солдаты, офицеры и граждане! То, что мы все собрались в этом зале в этот великий, знаменательный день, дает мне веру в то, что старый варварский строй погиб безвозвратно (гул одобрения). Я думаю, что то, что мы делаем здесь, есть дело не только петроградское, — это дело всей великой страны, дело, за которое уже погиб в бесплодной борьбе ряд поколений.

Товарищи, в жизни каждого государства, как и в жизни отдельного человека, бывают моменты, когда вопрос идет уже не о том, как лучше жить, а о том, будет ли оно вообще жить. Мы переживаем такой момент, когда мы должны спросить себя, будет ли Россия жить, если старый порядок будет существовать. Чувствуете вы это? (Весь зал отвечает: “Чувствуем!”) Мы собрались сюда дать клятвенное заверение, что Россия будет свободна. (Все поднимают руки вверх: “Клянемся!”) Товарищи, первейшей нашей задачей сейчас является организация. Мы должны в три дня создать полное спокойствие в городе, полный порядок в наших рядах».

Затем А. Ф. Керенский призывает солдат и офицеров к полному единению и доверию друг к другу, призывает офицеров быть старшими товарищами солдат.

— «Весь народ сейчас, — говорит он, — заключил один прочный союз против самого страшного нашего врага, более страшного, чем враг внешний, — против старого режима. И этот союз должен сохраниться до тех пор, пока мы не достигнем своей цели».

Свою речь А. Ф. Керенский закончил возгласом:

— «Да здравствует свободный гражданин свободной России!»

Долго не смолкавшее «ура» было ответом на эту речь.

28-го же А. Ф. Керенский, от имени Исполнительного комитета, произвел первый арест — арест бывшего министра внутренних дел Протопопова, который сам явился в Таврический дворец.

— «Ваше превосходительство, — сказал Протопопов, вставая и обращаясь к Керенскому, — отдаю себя в ваше распоряжение.

— Бывший министр внутренних дел Протопопов, — последовал ответ А. Ф. Керенского, — от имени Исполнительного комитета объявляю вас арестованным».

2-го марта Исполнительный комитет приступил к более прочному устройству исполнительной власти и образовал Временное правительство, в состав которого, в качестве министра юстиции, вошел и А. Ф. Керенский.

Вечером новый министр юстиции А. Ф. Керенский произнес в Екатерининском зале речь, обращенную к солдатам и гражданам.

При появлении А. Ф. Керенского на трибуне, огромный Екатерининский зал огласился бурными и продолжительными аплодисментами тысячной толпы.

— «Товарищи, солдаты и граждане! — начал министр юстиции. — Я, член Гос[ударственной] думы А. Ф. Керенский — министр юстиции (бурные аплодисменты и восторженные крики “ура”), объявляю во всеуслышание, что новое Временное правительство вступило в исполнение своих обязанностей по соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Соглашение, заключенное между Исполнительным комитетом Гос[ударственной] думы и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, одобрено Советом рабочих и солдатских депутатов большинством нескольких сот голосов против 15 (бурные аплодисменты и возгласы “браво”).

Первым актом нового правительства является немедленное опубликование акта о полной амнистии. Наши товарищи-депутаты второй и четвертой Гос[ударственных] дум, незаконно сосланные в тундры Сибири, будут немедленно освобождены и с особым почетом привезены сюда.

Товарищи, в моем распоряжении находятся все бывшие председатели Совета министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за все преступления перед народом, согласно закону (Возгласы: “Казнить их”!).

Товарищи, свободная Россия не будет прибегать к тем позорным средствам борьбы, которыми пользовалась старая власть.

Без суда никто подвергнут наказанию не будет. Всех будет судить гласный народный суд. Товарищи, солдаты и граждане, все меры, которые будут приняты новым правительством будут опубликованы.

Солдаты, прошу вас оказать нам содействие. Свободная Россия родилась, и никому не удастся вырвать свободу из рук народа.

Не слушайте призывов, исходящих от агентов старой власти.

Слушайте ваших офицеров. Товарищи-солдаты, могу ли я надеяться, что вы исполните это? (Крики: “Исполним”). И передадите мою просьбу слушаться офицеров — всем вашим товарищам? (Крики: “Передадим”). Тогда победа с вами. Да здравствует Свободная Россия!» (Бурные аплодисменты и крики «браво»).

Затем, во время обсуждения Советом рабочих депутатов вопросов, связанных с организацией Временного правительства, в заседание Совета явился А. Ф. Керенский и попросил слова для внеочередного заявления.

Слово ему немедленно было дано, и А. Ф. Керенский произнес следующую речь:

— «Товарищи! Я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности.

Товарищи, доверяете ли вы мне? (Возгласы на всех скамьях: “Доверяем, доверяем!”) Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно. (В зале сильное волнение. Керенского приветствуют рукоплесканиями, превращающимися в горячую овацию). Товарищи, в настоящий момент образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра.

(Бурные аплодисменты). Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и потому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего о вступлении в состав Временного правительства.

Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук. (Бурные аплодисменты, возгласы: “правильно!”)

Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного правительства в качестве министра юстиции (новый взрыв аплодисментов). Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей-депутатов, членов социал-демократической фракции четвертой Думы и депутатов второй Думы. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию). Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов.

Я занял пост министра юстиции до созыва Учредительного собрания, которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды

и агитации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики (бурные аплодисменты).

Ввиду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочий, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но для меня жизнь без народа немислима, и я вновь готовь принять на себя это звание, если вы признаете это нужным (“Просим! Просим”). Товарищи, войдя в состав Временного правительства, я остался тем же, каким был — республиканцем (шумные аплодисменты). В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (Бурные аплодисменты, возгласы: “Верь, верь, товарищ!”) Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, — убейте меня (новый взрыв оваций).

Я заявлю Временному правительству, что я являюсь представителем демократии и что Временное правительство должно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть (Аплодисменты, возгласы: “Да здравствует министр юстиции!”).

Товарищи, время не ждет. Я призываю к организации, к дисциплине, прошу вас поддержать нас, ваших представителей, готовых умереть во имя интересов народа и отдавших ему всю свою жизнь.

Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мне возможность осуществить все необходимые гарантии свободы до созыва Учредительного собрания (аплодисменты).

Товарищи! Позвольте мне вернуться к Временному правительству и объявить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель» (Бурные аплодисменты, переходящее в овацию, возгласы: «Да здравствует Керенский!»).

Все встают со своих мест, подхватывают на руки Керенского и из залы общего собрания Совета рабочих депутатов несут его в кабинет Исполнительного комитета.

С этого момента деятельность А. Ф. Керенского начинает протекать по двум путям: по пути первого министра-социалиста, — «заложника» в буржуазном правительстве, звена и спайки между буржуазией и демократией, — и по пути первого министра юстиции свободной России, — ликвидатора старой лжи и несправедливости и насадителя и укрепителя новой революционной правды.

IX

А.Ф. Керенский как министр-социалист

Первые слова, которые я услышал от А.Ф. Керенского при первом нашем свидании после переворота, — это было 6-го марта, — были такие:

— Я не боюсь правых, не боюсь контрреволюции; — она невозможна. Я боюсь нас самих: боюсь социалистов, — их фракционных разногласий, непримиримости их партийных позиций.

И А.Ф. оказался прав.

Все, что так страстно волновало Россию в течение первых двух месяцев революции — и «двоевластие», и «ленинство», и вопрос о «коалиционном» кабинете — все это являлось «опасностью слева, а не справа».

На стеску острых углов, на спайку творческих элементов, на закладку фундамента, на цементирование устоев новой свободной России, сложенных раньше по типу циклопических построек, и тратил и тратит свою энергию наш первый министр-социалист А.Ф. Керенский.

Поездки в Москву, в Кронштадт, в Гельсингфорс, в Ревель, на фронт, в Ставку; выступления в Совете рабочих и солдатских депутатов, на партийных конференциях, съездах, перед различного рода делегациями и депутациями; почти непрерывные заседания в Совете министров; дневные и ночные совещания с представителями партий и групп, с личными друзьями, — вот пути и средства, избранные А.Ф. Керенским для сколачивания новой свободной России, рассыпавшейся, как клепки без железного обруча, в великую могучую Россию, крепкую свободой, порядком и единством.

Вот одна из речей нашего гражданина-кузнеца, выковывающего новую республиканскую Россию, — речь, обращенная к представителям армии.

В этой речи имеются ответы на многие вопросы и сомнения, волнующие и не только армию.

— «Временное правительство, — сказал А.Ф. Керенский, — обладает всей полнотой власти, но вместе с тем мы — не Совет министров, а Временное правительство, мы — десять товарищей ваших и обыкновенные граждане. Мы взяли на себя бремя тяжелое и ответственность огромную, ибо мы взяли власть в свои руки в момент величайшей разрухи и должны исполнить две задачи:

во-первых, укрепить свободу, демократизировать страну и довести ее до Учредительного собрания, которое, как я не сомневаюсь, выскажется за демократическую республику, и, во-вторых, мы не должны позволить прорвать фронт, уничтожить живую силу государства и отнять свободу.

При исполнении этих задач мы нуждаемся в критике и контроле. Поэтому не смущайтесь и не думайте, что критика и контроль общественных кругов мешают нам работать. Тем более мы нуждаемся в контроле и критике советов солдатских, рабочих, крестьянских и офицерских депутатов, которые представляют народ и русскую демократию. Может быть, вас смущает шумная агитация, известные слова, которые представляют здесь злобу дня, но нас, Временное правительство, они не смущают. Мы верим в разум, в твердую волю народа — идти к спасению, а не к гибели, ибо никто не может желать своей гибели. Мы верим, что восторжествуют созидательные задачи, а не отдельные партийные лозунги.

Вы спрашивали о 8-часовом рабочем дне. Временное правительство считает, что 8-часовой рабочий день должен быть нормой работы для всех трудящихся и всего рабочего класса, но задачи обороны требуют напряжения всех сил. Поэтому 8-часовой рабочий день не означает сокращения продуктивности труда, так как рабочие согласились на сверхурочные работы для обеспечения армии всем необходимым для нее.

Если мы не даем сейчас армии всего, что ей нужно в полном объеме, то не потому, что не хотим, а потому, что не можем. Старая же власть могла дать все, но не хотела.

Старая власть оставила все в расстроеном виде: уголь исчез с рынка, металлы исчезли, и население голодало. Деньги теряли силу, нация беднела, и это вызывало дороговизну. В таком виде мы получили старое наследство, но мы все-таки взяли власть, потому что верили, что народ поймет невозможность новой власти создать сразу все из ничего, верили, что народ, сделавшись хозяином, будет работать сам в понимании государственных нужд. Если армия не получает еще всего, то, во всяком случае, уже получает больше, чем при старом режиме.

Теперь о наиболее волнующем вопросе — о земле. Землю и волю паролъ должен получить в полном объеме. Но до созыва Учредительного собрания никто не смеет брать на себя решение этого огромного вопроса. Временное правительство лишь издает закон, приостанавливающий распоряжение частной земельной собственностью в чрезмерных пределах.

Заверяю вас, что вопрос о земле не будет разрешен без согласия фронта, что ни один аршин земли не будет передан кому-либо до тех пор, пока не скажет свое слово весь народ и особенно армия, которой в этом вопросе принадлежит преимущественное право и решающее слово, ибо армия проливала свою кровь за народ, за свободу и землю.

Мы много столетий привыкли ждать, ничего не получая, а теперь хотим все получить, не ожидая ни одного дня.

Превратить азиатскую монархию в самую, быть может, совершенную республику на свете — эта задача не может быть решена в несколько дней.

Но мы достигнем этой цели. Стремясь к ней всеми силами, мы должны, однако, остерегаться в нашем разбеге перескочить через цель, иначе цель может оказаться позади нас. Помните, что окончательный результат зависит от нашей выдержки и хладнокровия.

Вас не должны смущать разговоры о контрреволюции. Никакая контрреволюция невозможна, ибо нет безумца, который решился бы восстать против воли всей армии, всего крестьянства, всей рабочей демократии, против желания России. А если бы кто и попытался восстать, то где он найдет сторонников: ружья не будут стрелять, поезда не будут ходить — и безумная попытка не выйдет из кабинета на улицу, а если выйдет, то в тот же момент от безумцев ничего не останется.

Люди, знающие себе цену, смело идут вперед, ничего не боясь, не оскорбляя себя подозрениями, что кто-то сможет сделать их снова рабами.

Мы достигнем всего, если сумеем дать отпор единственной опасности, которая существует. Дать отпор тем, кто захочет протянуть руку извне и оттуда помочь притаившейся реакции, кто захочет, разбив фронт, разбить свободу.

Первое слово о войне, сказанное Временным правительством, было отказом от захватов, от грабительских целей, от того, что называется империализмом, но мы требуем, — и кто не услышит этого требования? — заставим признать, — что мы имеем право на свободную жизнь, на свое место в мире, которого никому не отдадим.

Пусть не думают, что свободная Россия значит — распад, что демократия — значит разложение и анархия. Кто так думает, тот ошибается и уже ошибся. Поэтому вернитесь на фронт и исполните свой долг, очень тяжелый, почти невыносимый, а мы все сделаем, чтобы ужасная бойня скорее окончилась, но окончилась достойно свободного народа, окончилась так, чтобы нынешняя война была последней.

Если до сих пор враги могли говорить, что они ведут войну за свободу, так как с востока им несут нагайку и кнут, то теперь они должны знать, что с востока им несут братство и мир. Мы должны защищать свою страну, как очаг демократической свободы для нас, для Европы, для всего мира.

Ни один солдат, ни один матрос ни в одном государстве не имеет тех прав, который имеете вы. Вне строя вы вполне свободны. Но большие права налагают и большие обязанности. У меня нет сомнений, что вы эти обязанности, свой долг перед государством и демократией исполните».

В ответ на эту речь представители армии, глубоко взволнованные, заявили:

— «Наша вера, с которой мы приехали, была предчувствием. После вашей речи она превратилась в твердое сознание, в уверенность. Помогай вам Бог, армия поможет вам».

Какое впечатление производит А. Ф. Керенский, как оратор и человек, можно видеть из одного довольно удачного газетного отчета о посещении бывшим лидером трудовиков А. Ф. Керенским съезда трудовиков в Петрограде:

«Вчера, 7-го апреля, в белый зал Армии и Флота, со сводчатыми коридорами, трудовики собирались медленно, просачиваясь по капле, — рассказывается в отчете.

Целый час — сверх срока.

Наконец, заседание открыто. Речи какие-то пресные, громкие звуки, внешний пафос.

Уходят, зевают, — поскорее бы...

И вдруг, как гром среди удушливой атмосферы, в зал входит... нет... вбегает господин среднего роста, бритый блондин, с высоким лбом, коротко стриженный, в рабочей черной куртке. Он — весь порыв, непосредственность, страсть. Едва поспекает за ним высокий молодой адъютант, офицер с аксельбантами. Гром аплодисментов. Это — Керенский, бывший председатель трудовой парламентской фракции.

Он стоит на эстраде, за длинным столом президиума. Гром не умолкает. Он начинает говорить.

Говорить громко, ясно, с какой-то сдерживаемую страстью, с мощью давно сложившихся убеждений. Это — трибун, определенный, властный, ясный. Он любит толпу, — он любим ей.

Когда он слушает, глаза опущены вниз; работа мысли продолжается. И когда говорит, часто опускает глаза. Будто углубляется в себя и в горячем сердце находит прекрасные слова и в душе, чистой и пылкой, чреватые событиями мысли.

И сразу всем становится ясным, для чего существовала трудовая партия, — народническое движение, с примесью социализма, — и какова ее будущность. Пять лет Керенский пробыл в трудовой группе, и теперь он приветствует съезд трудовиков и благодарит за отношение, которое окружало его. Опыт этой совместной работы, — его, социалиста-революционера, с трудовиками, — Керенский считает весьма знаменательным для всего дела русской и мировой демократии. Это и признак того, что все народнические течения с разными социалистическими оттенками должны неминуемо слиться воедино, ибо все имеют единую цель — благо всего народа.

— “Товарищи-трудовики!.. — голос Керенского чуть-чуть вибрирует. — Эти пять лет останутся неизгладимым следом в моей жизни... Куются сейчас судьбы на столетия. Земля и воля — вот главный мудрый народовольческий лозунг для крестьянской России. Но главная ценность нашего строительства, это — безграничное преклонение перед человеком и его личностью... Мы должны суметь создать государство, построенное на двух принципах: труд и человек”...

Его товарищ по соц.-рев. партии, А. Гизетти⁶, бледный, весь полный бурной энергии, которая выражается в страстно стиснутых и сильных руках, говорил о том, что недалеко время, быть может, когда на Руси будет одна всероссийская социалистическая партия, в которую войдут социалисты-революционеры, социал-демократы, трудовики, народные социалисты, пролетарские и крестьянские массы и демократическая интеллигенция.

Что-то докладывает председатель.

Керенский выходит вбок и быстро идет боковой колоннадой коридора к выходу.

Вскакивают все, и раздражается гром аплодисментов, прерывая председателя на полуслове.

Из обеденных зал Армии и Флота бросаются по лестнице постронные съезду лица...

На помпезной лестнице Армии и Флота живые группы восторгом объятых людей. Юноши и девушки без шапок и пальто выскочили на улицу: провожают Керенского».

Это описание дает довольно верный портрет А. Ф. Керенского.

Бурный и порывистый в движениях и речах, он весь — огонь, весь революционное чувство. Близкие друзья говорят про него: «не ходит, а бегаёт; не говорит, а стреляет».

Таков внешний образ, фотография.

Но фотография не в силах передать А. Ф. Керенского.

Постоянная внутренняя работа мысли, неустанное горение чувства, любовное и честное отношение к народу, во всем его целом, — и особенно к демократии, — вот штрихи для «внутреннего» его портрета, для портрета души А. Ф. Керенского.

Выражение и даже цвет его лица быстро меняются под влиянием душевных переживаний он быстро стареет и молодеет, темнеет и светлеет, в зависимости от печальных и радостных фактов русской революции.

Значит, в чем же заключается тайна влияния А. Ф. Керенского? Прежде всего — в его личности.

Кристалльно-чистый, честный и искренний в своей общественной деятельности; скромный и деликатный до застенчивости в своих личных отношениях к людям; и в то же время убежденный, страстный, самоотверженный борец за народное счастье, борец, которому ничего не нужно для себя, и все нужно для народа, — А. Ф. Керенский умеет заглянуть в самую душу народа, всколыхнуть в ней своими речами все таящееся великое и святое, слиться сам с ней в творческом процессе и тем навсегда притянуть ее к себе.

— «Безграничное преклонение перед человеком и его личностью, — говорит Керенский, — вот главная ценность нашего строительства».

Безграничная любовь к человеку, — сказал бы я, — к человеку как таковому, кто бы он ни был и как бы он ни назывался, глубокая вера в человека, — вот тайна обаяния строителя нашей новой, свободной, жизни — А. Ф. Керенского.

Х

А. Ф. Керенский как министр юстиции

В кабинете министров для А. Ф. Керенского не было более подходящего портфеля, как портфель министра юстиции.

Право и справедливость — синонимы «правды-истины» и «правды-справедливости».

«Правда-истина» и «правда-справедливость» — моральная основа народнического мировоззрения, воспринятого А. Ф. Керенским от основоположников народничества П. Л. Лаврова⁷ и Н. К. Михайловского⁸.

Так, очевидно, думал и Исполнительный комитет Государственной думы, убеждая А. Ф. Керенского войти в министерство и принять в нем портфель министра юстиции.

— «Господа, я счастлив сказать вам, — говорил Милюков 2-го марта, обращаясь в Екатерининском зале к собравшимся морякам, солдатам и гражданам, — что и общественность нецензурная тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища А. Ф. Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете. Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюмерам и Сухомлиновым. Трусливые герои дней, прошедших навыки, по воле судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиции, а министерства юстиции А. Ф. Керенского».

И вот как А. Ф. Керенский изложил свою первую программу, — программу первого народного министра юстиции от революции.

— «Первым актом нового правительства является немедленное опубликование акта о полной амнистии. Наши товарищи-депутаты второй и четвертой Гос[ударственных] дум, незаконно сосланные в тундры Сибири, будут немедленно освобождены и с особым почетом привезены сюда.

Товарищи, в моем распоряжении находятся все бывшие председатели Совета министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за век преступления перед народом, согласно закону (возгласы: “Казнить их!”).

Товарищи, свободная Россия не будет прибегать к тем позорным средствам борьбы, которыми пользовалась старая власть.

Без суда никто подвергнут наказанию не будет. Всех будет судить гласный народный суд. Товарищи, солдаты и граждане, все меры, который будут приняты новым правительством, будут опубликованы».

Первые распоряжения гражданина А. Ф. Керенского, как министра юстиции, были: приказ «о немедленном и полном освобождении членов Государственной думы Петровского⁹, Муранова¹⁰, Бадаева¹¹, Шагова¹² и Самойлова¹³ и об обеспечении им почетного возвращения в Петроград», и затем обращение во все советы присяжных поверенных с просьбой «принять посильное участие в установлении истинного правосудия в нашей родине и в поднятии его на высоту, соответствующую величию народа и важности исторического момента».

3-го марта А. Ф. Керенским поручено было академику Котляровскому вывезти из Департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдет нужным, и поместить их в Академию наук.

3-го же марта А. Ф. распорядился о предоставлении «Бабушке русской революции», Е. К. Брешко-Брешковской, возможности скорейшего возвращения в Петроград.

4-го марта А. Ф. Керенский вступил в фактическое управление Министерством юстиции.

Принимая представителей ведомства, новый министр обратился к своим сослуживцам с такой речью:

— «Господа, я принял от Исполнительного комитета Гос[ударственной] думы пост министра юстиции, — пост блюстителя права и законности в стране. До сих пор эта высокая обязанность превращалась слугами старого режима в издевательство над правом. Эти высокие понятия значились здесь лишь на бумаге. Теперь они будут выявлены во всей полноте в действии. Даю слово, что, когда я оставлю пост министра юстиции, ни один злейший враг новой свободной России не осмелится сказать, что и во время управления Министерством Керенским право, законность и справедливость оставались в этом ведомстве пустыми словами.

Вот моя программа. Она коротка для изложения и титанически громадна для осуществления.

Пусть каждый из нас спросить свою совесть, может ли он искренно взяться за труд по осуществлению этой программы, и, в зависимости от ответа, пусть примет то или иное решение о сотрудничестве со мной. Я говорю о сотрудничестве и особенно подчеркиваю это слово, так как отныне здесь никаких чинов и титулов среди нас быть не должно».

В заключение А. Ф. Керенский обратился к низшим служащим и просил их немедленно организовать в целях дружной работы и обеспечения их политических и профессиональных интересов. — «Впредь, — закончил министр, — никто не должен быть назначаем на какую-либо должность без вашего общего на то согласия».

И в два месяца, которые провел А. Ф. Керенский в Министерстве юстиции, он показал, что он может не только говорить о созидательной работе, но и делать эту работу.

<...>

Итак, 60 приказов и законодательных актов в течение двух месяцев работы, в среднем, по два законодательных акта в день.

О гуманности этих актов едва ли приходится говорить — названия их говорят сами за себя.

<...>

Но помимо дел, относящихся прямо к Министерству юстиции, А. Ф. Керенскому приходилось если не разрешать, то направлять

и разные другие дела, — дела, часто совершенно не имеющие никакого отношения к кругу дел министра юстиции.

Вот как описывает с натуры известный писатель Тан один из приемов у А. Ф. Керенского:

«86 человек в приемной, не считая депутатов. Судейские чины нового штатского вида, без всяких мундиров; солдаты в мундирах; жены арестованных сановников; пришедшие с различными просьбами барышни, студенты.

На лестнице давка. В дверях не протолкаешься. На лифте плакат: “Да здравствует правый и милостивый суд М[инистерства]ва юстиции и Сената!”...

Прием официально назначен два раза в неделю, но на деле происходит ежедневно. А. Ф. Керенский ежедневно отрывает от своего времени час или два, чтобы принять, обойти всю эту длинную очередь, у каждого выспросить сущность его жалобы или просьбы, ответить хоть в кратких словах, записать, обещать.

Не устраивать приема ежедневно нельзя. Иначе произойдет то, что происходит на углу Литейного и Невского, когда на 15 минут задержались вагоны трамвая.

Сколько работает Керенский? Трудно ответить. Точнее всего сказать: 24 часа в сутки, за вычетом того, что нужно урвать на сон, на еду, лишь бы не упасть на ходу, лишь бы по-прежнему ходить по этим огромным покоям, из-за каждой колонны которых все еще выглядывает призрак Щегловитова. Трудно поправить в несколько недель то, что Щегловитов и другие наделали в несколько десятилетий.

“Керенский идет”...

Вот он является, с обычно усталым лицом. На нем все та же куртка, знакомая публике. Правая рука на перевязи. Это результат дружеских рукопожатий во время одной из поездок по фронту демократии.

Теперь проходящие пожимают ему левую руку; писать же ему поневоле приходится правой, забинтованной.

Керенский проходит в кабинет.

— Депутация сперва, — предлагает он одному из своих секретарей.

Дверь открывается. Являются пятеро: студент, военный чиновник, три дамы. У каждого из членов депутации пятиконечная звезда в петлице.

— Товарищ, гражданин, министр, — начинает порывисто студент, — позвольте приветствовать вас от имени социалистов-эсперантистов... Это эсперантисты. Пятиконечная звезда, это — символ

союза эсперантов. Но “социалисты-эсперантисты” — это сочетание, новое для слуха...

С бесконечным терпением, с каким-то особенным участливым вниманием, свойственным только ему одному, А. Ф. Керенский выслушивает приветственную речь.

Эсперантисты один за другим излагают ему свои соображения о том, что для успехов демократии необходимо немедленно ввести в курс учебных заведений международный язык эсперанто.

А. Ф. Керенский мягко указывает им, что, во-первых, это касается больше министра народного просвещения, а во-вторых, что для осуществления этого проекта нужно, конечно, вызвать сочувствие к нему среди широких слоев населения России.

В сущности, это отказ, но социалисты-эсперантисты уходят все-таки утешенные, очарованные.

Дверь закрывается. Керенский взглядывает на нас тем же усталым, безропотным взглядом.

Дверь отворяется снова, входят две очень серьезные с виду фигуры, в черных блузах, с черными галстуками. Это депутация от партии анархистов. Они явились не с просьбой, а с требованием, и разговаривать с ними труднее, чем с социалистами-эсперантистами.

Но А. Ф. Керенский с той же осторожной и вместе откровенной мягкостью напоминает им о Кропоткине¹⁴ и об общих духовных предках социализма и анархизма, и в конце концов требование их разрешается компромиссом, и они уходят удовлетворенные и в разговоре называют министра юстиции товарищем Керенским.

Третья депутация. Иностранцы, реквизируемые старым режимом и отпущенные домой на полевые работы. Сарты в тюбетейках и халатах, подвижные, экспансивные. Огромные текинцы в чудовищных шапках из черной овчины, медлительные и важные, словно живые монументы. Они представители двух тысяч товарищей. Ни один из них не знает ни слова по-русски. С ними переводчик из туркестанской интеллигенции, толковый, вразумительный, совсем не такой переводчик, какие бывали при старом режиме.

Сарты и текинские туркмены просят о содействии к скорейшей отправке на родину. А. Ф. Керенский немедленно удовлетворяет их просьбу и делает отметку на прошении собственноручно, той же забинтованной рукой.

Они благодарят, прикладывая ладони к сердцу, и самый экспансивный из сартов даже нагибается затем, чтобы облобызать милостивую руку министра, но, кажется, не может выбрать, которую именно. А. Ф. отдергивает руку.

А. Ф. выходит из кабинета и начинает обходить просителей.

“Какая смесь имен и лиц, племен, наречий, состояний”...

— Нельзя ли перевести моего мужа в частную лечебницу. Режим Петропавловской крепости суров для него?..

— Не мы устанавливали этот режим, — сдержанно возражает А. Ф. — Мы, напротив, насколько возможно, смягчили его.

— Но ведь мой муж подследственный, а в крепость раньше сажали только осужденных...

Дама заблуждается, конечно: в крепость сажали подследственных и даже административных, но полемизировать с нею бесполезно. Она переживает, — увы! — отбывание той политической повинности, которую раньше отбывали на Руси столько других жен и других матерей.

Я никак не думал, что это так ужасно, — сказал Н. А. Маклаков¹⁵, просидев в Петропавловской крепости первые несколько дней.

— Следствие быстро подвигается вперед, — высказывает А. Ф. единственное мыслимое утешение, — мы работаем над ним со всей возможной энергией.

Осетинский офицер жалуется на растрату капиталов осетинского народа одним из генералов старого режима. В связи с этим делом он был, между прочим, выслан с родины и отправлен на фронт.

Представитель одного из уездных комитетов излагает проект организации местного суда, который они уже собираются вводить.

— Но не может же каждый уезд вводить у себя особый вид суда, — слегка возражает А. Ф.

Представителю другого уезда он делает мягкое внушение за то, что они ввели у себя не республику, а “сверхреспублику”, и не исполняют распоряжений, идущих из центра.

Я ждал упорных возражений, но, к моему удивлению, представитель “сверхреспубликанского” уезда оказался внимательным и даже сговорчивым. А. Ф. как-то умеет немногими словами подействовать на каждого.

Делегаты с фронта, делегаты с ближайшего тыла, делегаты из Сибири...

Трудно быть министром революционной России, ликвидировать старое и пытаться строить новое. Не завидуйте ему».

Почему именно у А. Ф. Керенского бывает такой наплыв посетителей, объясняет другой журналист, М. Линский, также побывавший на приеме у министра-гражданина.

«Посетители А. Ф. Керенского искренно удивляются:

— Семижильный он какой-то этот “новый”: как он не устает?

Задал такой вопрос и я, расспрашивая о том, “как живет и работает” А. Ф. Керенский.

И вот, что мне сказали.

“Старый режим оставил Монблан несправедливостей. Столько обид накопело в сердце каждого российского гражданина. И теперь, когда можно наконец открыть клапан и громко закричать о них, тысячные толпы устремились к Керенскому.

Именно к нему, а не к другому. Ибо вся деятельность этого человека целиком заключалась в помощи и совете пострадавшим от несправедливостей”.

Вот и идут, и идут к “товарищу Керенскому”.

“Ему поведем печаль свою”, — решают одни; другим просто хочется поговорить “по душам” с хорошим человеком, а третьих толкает простое обывательское любопытство:

“Посмотреть хоть, что за человек”.

Секретарь А. Ф. Керенского В. В. Сомов¹⁶ с отчаяньем всплеснул руками, когда я спросил его, преимущественно с какими просьбами обращаются к министру:

— С самыми разнообразными и с самыми несуразными. Вчера, например, пришла одна дама и жалуется, что муж хочет бросить ее; вот она и намерена просить А. Ф., чтобы он повлиял на него...

Это, конечно, курьезно, но это характерно. Так уж прочно представление о Керенском как о человеке, необыкновенно отзывчивом ко всякому горю и обиде, что он может если не исцелить личную боль каждого, то хоть успокоить ее.

И вот доказательство такой популярности:

По сообщению газет, в первый же приемный день А. Ф. у Министерства юстиции образовались буквально хвосты. Прием начался в 9 часов утра, а закончился в 4-м часу дня, причем список полностью не был еще исчерпан.

Теперь вы представляете себе, какую гигантскую работу делает гражданин Керенский?..»

И не только днем он принимает, но и ночью. Дневные приемы не исчерпывают всех желающих говорить с министром юстиции. Необходимые и неотложные приемы назначаются в 11, 12, даже в час ночи. Беседы-доклады ближайших сотрудников А. Ф. Керенского обыкновенно происходят за завтраком, за обедом и даже у постели министра: другого времени взять у министра-товарища они не могут. Первые дни революции А. Ф. совсем не спал, вздремывал только на несколько минут в кресле, но и теперь он спит не более 5–6 часов в день.

Он, — человек слабой физической организации, живущий с одной почкой, — ведет такую трудовую жизнь, при которой рабочий день в 16 часов кажется ему недосягаемым идеалом.

Да, революция не щадит своих любимцев, — она жжет свои пылающие факелы с обоих концов.

Но не это волнует А. Ф. Керенского. Если бы он не был скромен, он бы мог сказать о себе словами Петра Великого: «А о мне ведайте, что жизнь мне не дорога, благоденствовала бы только Россия».

Тот, который принадлежит к политической партии героев, готовых в любой момент отдать, — и отдавших свою жизнь за счастье народа, — не будет трястись, как щедринский пескарь, за свою жизнь. О последнем покушении на свою жизнь А. Ф. забыл рассказать даже своей жене Ольге Львовне. И, когда она деликатно упрекнула его в этом, он сказал:

— Всего не упомнить... Ведь это пустяки... Очередное покушение... Теперь так много стало сумасшедших...

А. Ф. Керенского волнует другое.

Его волнует настроение новой России, споры и раздоры, происходящие в стране; отсутствие здорового чувства государственности, гражданственности и ответственности перед самими собою, перед народом, перед историей у многих граждан свободной России. Разложение войск, когда внешний враг у ворот Петрограда и уже оскалил свои железные зубы на легкую добычу; призывы к анархии, к грабежу во имя великих социалистических принципов свободы, равенства, братства; нудные книжные споры книжников-социалистов о программном «азь», о трехперстном или двуперстном сложении, о двойной или тройной аллилуйе и т. п. буквоедских мелочах наших раскольников-начетников от социализма; неискренность поддержки своего «заложника» со стороны той части демократии, которая поддерживает его «пинками в спину»; нерешительность и вялость поддержки со стороны нелицемерных его друзей, щелканье зубами у шакалов легкой наживы; наконец, подземный, пока еще не слышимый, по уже чутко ощущаемый гул грядущей черной реакции, — вот, что волнует А. Ф. Керенского, вот, что заставляет выгорать его душу.

— И уже перестаю верить в восторженные крики людей, перестаю верить в их присяги, в их клятвы, — говорил мне как-то с горечью А. Ф. Говорят, вера без дел мертва есть, но и слова без дел мертвы, они — тоже пустой звук...

Вот почему 29-го апреля на съезде делегатов с фронта у А. Ф. Керенского, в ответ на обычные шумные овации и крик: «Да здравствует сын русской революции!» вырвался отчаянный крик.

Вот этот крик благородного, измученного сердца — иначе я не могу назвать эту историческую речь А. Ф. Керенского¹⁷.

«Два месяца прошло с тех пор, как родилась русская свобода. Я пришел к вам не для того, чтобы вас приветствовать. Наше приветствие было давно уже послано вам в окопы. Ваши боли и ваши страдания явились одним из мотивов всей революции. Мы не могли больше стерпеть той безумной и небрежной расточительности, с которой проливалась ваша кровь старой властью. Эти два месяца я считал, продолжаю считать и сейчас, что единственная сила, могущая спасти страну и вывести ее на светлый путь, это есть сознание ответственности каждого из нас без исключения за каждое слово и каждое действие его. И вот вам, представителям фронта, я должен сказать:

“Мое сердце и душа сейчас не спокойны. Тревога охватывает меня, и я должен это сказать открыто, какие бы обвинения ни бросили мне в лицо и какие бы последствия отсюда ни проистекли”.

Товарищи солдаты и офицеры! Я не знаю хорошо, что вы чувствуете там, в окопах. Но я знаю, что происходит здесь. Может быть, близко время, когда мы скажем вам: мы не в состоянии дать вам хлеба в том количества, какого вы ждете, и снаряжения, на которое вы имеете право рассчитывать, и это произойдет не по вине тех, кто два месяца тому назад взял на себя формально и официально ответственность перед судом истории и лицом всего мира за честь и достоинство родины. В настоящее время положение русского государства сложно и трудно. Процесс перехода от рабства к свободе, конечно, протекает не в форме парада, как это бывало раньше. Это есть тяжелая, мучительная работа, связанная с целым рядом недоразумений, взаимных непониманий, на почве которых дают свой пышный цвет семена малодушия и недоверия, превращающие свободных граждан в людскую пыль. В настоящее время торжеством новых людей, созданием демократического государства в Европе мы можем сыграть колоссальную роль в мировой истории, если мы сумеем другие народы заставить пойти нашим путем, если мы заставим и наших друзей и врагов уважать нашу свободу. Но для этого нужно, чтобы они увидели, что с идеями русской демократии бороться невозможно. Этот путь мы можем пройти, лишь как организованное, сильное, внушающее уважение и единое государственное тело. Если же мы, как недостойные рабы, не будем организованным, сильным государством, то наступит мрачный, кровавый период взаимных столкновений, и идеи наши будут брошены под каблук того государственного принципа, по которому

сила есть право, а не — право сила. Каждый из нас, — от солдата до министра и от министра до солдата, может делать все, что хочет, но должен это делать с открытыми глазами и поставить служение общему выше частного.

Товарищи! Вы умели 10 лет терпеть и молчать. Вы умели исполнять обязанности, которые налагала на вас старая ненавистная власть. Вы умели стрелять в народ, когда она этого требовала. А что же теперь — терпеть вы не можете больше? Что же русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов? (Сильное движение на всех скамьях.)

Я, товарищи, не умею и не знаю, как народу говорить неправду и как от народа скрывать правду»...

«Да здравствует гордость России!» — в страшном возбуждении кричит какой-то солдат. (Бурные продолжительные аплодисменты).

— «Я пришел к вам потому, что силы мои на исходе, потому что я не чувствую прежней смелости... У меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство с увлечением, достойным русского народа».

Керенский выдерживает некоторую паузу и затем с огромной силой продолжает:

— «Я хочу верить, что найдем выход из своего положения, пойдем вперед открытой и ясной дорогой демократического государства, что всю нашу многовековую культуру, все, что дал нам русский гений, мы сумеем бережно донести и отдать все это Учредительному собранию, единому хозяину русской земли. Но для этого нужно не только верить, но и найти в себе желание действовать.

Трудовые классы — вот кому мы готовим дорогу. И разве для нас не ясно, что Учредительное собрание скажет: “Земля трудовому народу, тому, кто трудится на ней”.

И прежде, чем колебать доверие к тем, которые не только не имеют грехов старой власти, на руках которых нет ни одной капли народной крови, кто не сделал ни одного жеста против трудового народа — нужно понять, что это вызывает радость лишь в тех, кто не хочет дать народу землю. Они надеются, что, может быть, через кровь и смуту, им все же удастся вернуть дедовскую землю.

Остерегайтесь! Есть суд людской — суд истории. Бывали ведь в прошлом случаи, когда люди, которые были сильнее и выше нас, падали под предательскими ударами за то, что они шли будто против трудового класса. Но все эти убийства всегда были предвестниками возвращения старых тиранов и деспотов.

Настал момент, когда каждый в глубине своей человеческой совести должен подумать, куда он сам идет и куда он ведет других, тех, кто по вине старого правительства, державшего народ во тьме, всякое печатное слово до сих пор принимает за закон. С этим элементом можно играть, но можно доиграться и до плохих шуток.

Я пришел сюда не сам — меня призвали. Я пришел сюда потому, что я сохранил за собою право говорить правду так, как я ее понимаю. Людей, которые и при старой власти шли открыто на смерть — этих людей не запугать! (Бурные аплодисменты).

Нам говорят: не нужно больше фронта... там происходит братание. Но разве братание происходит на два фронта? Разве на французском фронте тоже братаются? Нет, товарищи, брататься, так брататься должны обе стороны. Разве силы противника уже не переброшены на англо-французский фронт, и разве наступление англо-французов уже не приостановлено? У нас нет русского фронта, а есть только единый союзный фронт (аплодисменты).

Мы идем к миру, и я не был бы в рядах Временного правительства, если бы воля народа об окончании этой бойни не была бы задачей всего Временного правительства, но есть пути и мути. Есть широкие открытые дороги, но есть и темные и мрачные переулки, идя которыми можно потерять и честь, и жизнь. Мы хотим приблизить конец братоубийственной бойни. Но к этому концу надо идти открытым и явным путем. Мы не собрание усталых людей, мы — государство. Есть пути. Они сложны и долги. Требуется громадная выдержка и спокойствие. Если мы предлагаем новые циклы войны, то нужно, чтобы нас уважали и враги, и друзья. Человека бессильного никто не уважает.

Я жалею, что не умер тогда, два месяца назад, я умер бы с великой мечтой, что раз навсегда для России загоралась новая жизнь, что мы умеем без хлыста и палки взаимно уважать друг друга и управлять своим государством не так, как им управляли прежние деспоты.

Вот все, товарищи, что я хотел сказать. Я могу, конечно, ошибаться. Быть может, я неправильно поставил диагноз болезни, но думаю, что я не так уж ошибаюсь, как, быть может, другим покажется. Мой диагноз: если сейчас не будут всеми признаны трагизм и безвыходность положения, если не поймут, что на всех лежит ответственность, если наш государственный организм не будет действовать так же правильно, как хорошо прилаженный часовой механизм, тогда все, о чем мы мечтали, к чему стремимся, будет отброшено еще на несколько лет назад, а может быть, и затоплено кровью...

Судьба страны в ваших руках, а страна в великой опасности. Мы хлебнули свободы, и мы немного охмелели. Но не опьянение нужно нам, а величайшая трезвость и дисциплина. Мы должны войти в историю так, чтобы на наших могилах написали: они умерли, но никогда не были рабами! (Бурные, продолжительные аплодисменты)».

В ночь с 4-го на 5-е мая Временное правительство реорганизовалось. «Заложник» демократии, министр-социалист А. Ф. Керенский перестал быть единственным звеном и спайкой в кабинете.

Составился коалиционный кабинет, в который вошли уже шесть социалистов.

Страница истории перевернулась. В конце перевернутой страницы истории написано: «4-го мая первый министр юстиции в свободной России А. Ф. Керенский, подписавший декрет об отмене смертной казни, стал военным и морским министром в новом коалиционном кабинете».

